

Разбираться с этой историей вокруг Хань Ло было дело хлопотное.

Лу Куаньдун не мог просто умыть руки, но и проявлять чрезмерное усердие ему не следовало.

Во-первых, это подпитало бы подозрения Лу Ваня насчёт его истинных чувств к Хань Ло. Слухи о том, как Куаньдун вспылil на банкете и увёл Юй Тяо, непостижимым образом дошли до его ушей. Лу Вань уже несколько раз устраивал ненавязчивые допросы, но Куаньдун лишь отмахивался: они с Хань Ло выросли вместе, словно родные братья, как тут остаться равнодушным?

Разумнее всего было бы просто поговорить с Хань Юйином, однако в эту уродливую историю оказался втянут Юй Тяо. Чета Хань метала громы и молнии: их избалованный младший сын в собственный день рождения подвергся такой низости!

Уничтожение записей с камер видеонаблюдения лишь оттягивало неизбежное. Куаньдун понимал: стоит Хань Ло открыть рот, и Юй Тяо не отмоется. Пришлось нанести визит в дом Хань.

Хань Юйин и прежде сомневался, что его брат стал бы рисковать жизнью ради банальной проверки чувств Куаньдуна. Когда же гость после пары дежурных фраз вскользь обронил, будто арахисовую сладость Хань Ло получил из рук Юй Тяо, догадка окончательно подтвердилась.

Дёрнулось веко, сердце нервно подскочило к самому горлу. Мысленно Хань Юйин поклялся всыпать мерзавцу по первое число, однако внешне сохранил ледяное изящество.

— Вот как? — непринуждённо откликнулся он.

Многолетние друзья, вынужденные вести словесное фехтование и ходить вокруг да около, — отвратительная ирония.

К счастью, Куаньдун мгновенно уловил едва заметную смену мимики на лице собеседника: тот явно догадывался о мелких пакостях брата на празднике.

— Как там Лоло? — ласково поинтересовался Куаньдун, умело сыграв на затаённых чувствах Хань Юйина. — Прости, что затянул с визитом. Юй Тяо приболел, пришлось остаться дома и присмотреть за ним.

Хань Юйин осёкся, в его глазах мелькнуло замешательство:

— Что с ним?

Куаньдун почувствовал странный укол. Он рассчитывал сбить собеседника с толку, но искренняя тревога Хань Юйина за Юй Тяо почему-то заставила нервничать его самого.

— Простуда, жар. Ничего серьёзного.

— А сейчас? — сдержанно спросил Хань Юйин.

— Уж лучше. Но он всё переживает за Хань Ло, вот и выставил меня из дома — проведать.

— Лоло сам не разглядел, что ест арахис. Юй Тяо тут ни при чём, передай ему, чтобы не брал в голову, — Хань Юйин прекрасно понимал, чья здесь вина, но перед чужим человеком защищал брата. Скроив лёгкую ухмылку, он добавил: — Родители, конечно, вне себя. Да ещё и записи с видеокамер за тот день куда-то бесследно испарились. Чудеса, правда?

— Надо же, какое совпадение.

— Впрочем, ты ведь знаешь характер Лоло. Стоит тебе, как заботливому старшему брату, немного приласкать его да провести с ним время, как он тут же обо всём забудет. — Хань Юйин врал без малейшего зазрения совести. Наклонившись, он слегка задел плечом руку Куаньдуна.

Куаньдун сразу всё понял: кругом были люди, и Хань Юйин прозрачно намекал, что это условие самого Хань Ло. Зачем тому это потребовалось — оставалось загадкой, но Куаньдун кивнул:

— Разумеется.

Хань Юйин мысленно перевёл дух. Дрянной характер брата давно пора было обломать. Когда же этот паршивец научится держать себя в руках?

Перед Юй Тяо шевельнулся укор совести, но что весил какой-то чужак против родной крови? К тому же Хань Юйин искренне полагал, что делает доброе дело: утешив Хань Ло, он оградит Юй Тяо от новых нападок.

Спустя полчаса после завтрака служанка, как обычно, принесла из кухни пиалу с отваром. Это правило завели сразу после последнего периода восприимчивости Лу Куаньдуна.

Юй Тяо смутно догадывался: всё из-за его слабого здоровья. Он просто не мог удовлетворить альфу в полной мере.

Впрочем, стоит отдать должное: когда Юй Тяо нарочно опрокинул пиалу с укрепляющим снадобьем и пожаловался на невыносимую горечь, на подносе рядом с лекарством стали появляться леденцы. Обжигающе-холодная мятная свежесть мгновенно перебивала въедливый вкус отвара.

— А где вы покупаете эти конфеты? — как бы между прочим, без всякого умысла поинтересовался Юй Тяо.

— Не пришлось по вкусу? — уклончиво отозвалась служанка.

Юй Тяо смял обёртку, с лёгким треском, похожим на электрический разряд, и бросил её в урну:

— Нет, наоборот, очень вкусные. Их что, дают только вместе с лекарством?

— Ну... — Служанка замешкалась. Юй Тяо понимал: без указания господина она и рта не откроет.

— Помнится, у меня был нежно-жёлтый свитер, не могу найти. Не поможет поискать? — Словно потеряв интерес к конфетам, он непринуждённо сменил тему, больше не возвращаясь к расспросам.

— Сейчас же займусь этим, — поклонилась женщина и заботливо добавила: — По прогнозу сегодня похолодание, оденьтесь потеплее. Если снова подхватите простуду, молодой господин будет весьма недоволен.

— Хорошо.

Куаньдун не появлялся дома несколько дней — судя по всему, уехал в командировку. Юй Тяо целыми днями пропадал в кондитерской и лишь к десяти вечера неторопливо плёлся обратно.

Открытие «Сноуфлейк» прошло куда успешнее, чем он смел надеяться. То ли близость университетского городка сыграла роль, то ли ещё что, но заведение буквально ломилось от посетителей. Хотя кондитерская не отличалась ни низкими ценами, ни богатым ассортиментом, постоянных клиентов хватало — Юй Тяо уже запомнил многие лица.

Настоящим хитом продаж стали яичные тарты, чему Юй Тяо искренне радовался.

Вернувшись однажды вечером, он обнаружил в холле пять увесистых коробок. Распечатав

одну, Юй Тяо обомлел: внутри доверху лежали те самые мятные леденцы, о которых он обмолвился служанке.

Конфеты были расфасованы по небольшим пакетикам. Одной порции казалось малость недобор, двух — уже с избытком, но для Юй Тяо подобная упаковка сдерживала аппетит.

Будучи сладкоежкой, он не успокоился бы, пока не прибрал к рукам всё содержимое пакетика. Однако старая привычка беречь еду спасала его от искушения вскрыть второй.

На сияющей обёртке имелась подчёркнутая надпись на испанском языке, в котором Юй Тяо не смыслил ни бум-бум.

Нахлынувшее предчувствие заставило его достать телефон и запустить онлайн-переводчик. Наведя камеру на мелкие буквы, он подождал, пока колёсико загрузки сделает пару оборотов. Поверх иностранных слов выплыла строчка:

[Эксклюзивный заказ. Не предназначено для розничной продажи.]

Стерев историю поиска, Юй Тяо отправил леденец в рот и замер, уставившись на раскачивающиеся за окном тополя.

Ветер за окном бушевал вовсю: гнул тонкие ветви, срывал пожелтевшую листву. И хотя рамы были плотно затворены, в тишине комнаты, казалось, отчётливо слышался этот тревожный шелест.

Холодный воздух словно просачивался сквозь невидимые щели, проникал в самую гортань, смешиваясь с мятным холодом и разливаясь ледяной волной по всему телу, до самых глубин естества.

На следующее утро Юй Тяо позавтракал и привычно осушил пиалу с отваром. На пороге служанка не удержалась от вопроса:

— Не возьмёте с собой конфет? Они ведь вам так понравились.

Юй Тяо качнул головой:

— Мне и дома хватит. Кстати, в эти дни не нужно присылать за мной машину. Дорога не ближняя, я лучше прогуляюсь пешком.

— Но ведь на улице так похолодало...

— Я оделся тепло, не простужусь, — мягко, но решительно перебил её Юй Тяо, что делал крайне редко. — А то скоро от пары шагов одышка начнётся.

Служанка сдалась:

— Как пожелаете.

Однако в тот же вечер прислуга вместе с дворецким прождала его до полуночи, сходя с ума от волнения.

Послали человека к кондитерской — двери были заперты, свет погашен.

Дворецкий уже тянулся к телефону, чтобы доложить Лу Куаньдуну, когда на аллее, ведущей к вилле, показался силуэт. В жёлтом свете фонарей фигура становилась всё отчётливее.

Они обступили Юй Тяо, оглядели с ног до головы и, убедившись, что тот цел и невредим, облегчённо перевели дух.

— Ничего страшного, просто на улице совсем темно, — опустив голову, пролепетал Юй Тяо. Его голос, тихий и дрожащий, терялся в порывах ветра. — Мне стало страшно, и я... сбился с дороги.

Слава богу, обошлось.

Наотрез отказавшись от водителя и на следующий день, Юй Тяо наткнулся на молчаливое согласие: Куаньдун велел дворецкому во всём потакать желаниям юноши, так что настаивать никто не стал.

Сяомянь в последнее время заметно пополнил свой словарный запас. Едва Юй Тяо переступал порог, робот тут же затягивал:

— Управляющий, ладно, ладно!

— Сяомянь — красивый снежный шарик!

— Управляющий тоже красивый!

Тан Бо от этих рулад едва не лишился рассудка. Он даже отвалил кругленькую сумму за апгрейд, чтобы добавить функцию «тихого режима»: теперь мысли робота транслировались бегущей строкой прямо на его округлых щеках. Впрочем, эту опцию почти не включали. При всей своей ворчливости Тан Бо отличался мягким сердцем и просто не мог обречь кроху на немоту.

Цинь Цзуй, сославшись на завал в университете, практически перестал появляться.

Юй Тяо подозревал: дело в том разговоре, когда он проговорился о своём замужестве. Парень явно ушёл в отказ. И чего избегать? Молодёжь — поди пойми их...

Час пик давно миновал, в заведении поредело, и Сяомянь, наделённый удивительной чуткостью к человеческим эмоциям, тихонько подал голос:

— Бета-управляющий грустит.

Юй Тяо сидел у окна. Облака на горизонте расслаивались, наливаясь багрянцем закатного солнца. Золотистые лучи пробивались сквозь тучи, окрашивая весь мир в тоскливые, увядающие тона.

Призрачные тени от ветвей ложились на его шею, точно ажурное серое ожерелье.

— А? — Юй Тяо оторвал взгляд от экрана телефона и выдавил из себя неловкую улыбку: — Вовсе нет. С чего ты взял?

— Грустит, грустит! — заупрямился робот. В следующий раз надо обязательно загрузить модуль с утешениями!

Юй Тяо бережно сжал малыша в ладонях:

— Ладно-ладно, пусть будет по-твоему.

— Почему?

Экран телефона снова вспыхнул и угас от назойливых сообщений с требованиями денег. Казалось, вымогатель на том конце провода подкарауливал секунды затухания дисплея, не давая Юй Тяо ни мгновения передышки.

Запросы этого шантажиста росли с каждым днём, заставляя Юй Тяо всё сильнее тревожиться. Самые лёгкие деньги всегда замешаны на криминале. Если этот мерзавец отправится за решётку — туда ему и дорога, да только дядя с тётей...

Поэтому Юй Тяо перестал платить по первому требованию, пытаясь вытянуть из вымогателя признание, на что идут эти суммы.

[Юй Тяо, ты там сдох, что ли?]

[Не верю, будто у тебя и этой мелочи нет! Отвечай!]

— Просто сегодняшняя партия тартов слегка подгорела, — Юй Тяо заблокировал экран и посмотрел на Сяомяня. — Вот и огорчился.

— Ладно, ладно, — пробормотал робот, явно недовольный собственной беспомощностью.

— Спасибо за заботу, — ласково погладил его Юй Тяо, не желая расстраивать малыша. — Для меня это очень важно.

Экран мигнул вновь:

[Плевать, обойдусь. Я только что звонил предкам, завтра иду к ним на обед. Хватит с меня шляться, пора возвращаться в семью.]

Юй Тяо нахмурился и набрал ответ:

[Не смей трогать их.]

[Дай мне время. Позже переведу.]

Густая тень от ветвей упала на его лоб, превращая лицо в застывшую маску.

Ветер качнул деревья, и мрак накрыл его полностью — словно долго копившаяся гроза пролилась-таки на плечи, намочив ресницы и душную тяжесть мыслей.

Войдя в семью Лу, Юй Тяо не знал нужды в финансах. Однако львиная доля его накоплений утекала шантажисту, кое-что шло в детский дом, где он вырос, да и «Сноуфлейк» требовала постоянных вложений.

Куаньдун дал бы денег не задумываясь. Но с его-то подозрительностью... Попроси Юй Тяо такую сумму ни с того ни с сего — потом полмесяца придётся выдумывать убедительные оправдания.

Провозившись в кондитерской до половины одиннадцатого, Юй Тяо вывесил табличку «Закрыто». Тан Бо, сидевший с косметической маской на лице, невнятно прошамкал:

— Ты чего в последнее время до ночи задерживаешься?

— Дома слишком пусто.

— Ого! Так иди ко мне, переночуешь!

— Нет, мне нужно домой, — тихо отозвался Юй Тяо.

Собрав вещи, он попрощался с сотрудниками. Резкий перепад температур между тёплым залом и морозной улицей заставил его судорожно зябко сжаться.

Как и прежде, он выбрал самый тёмный и глухой маршрут.

«Хватит заниматься ерундой», — подумал он.

Если эта тропа и сегодня встретит его непроглядным мраком, если в груди снова зародится липкий страх и нахлынут удушливые воспоминания о прошлом — значит, всё в порядке. Он сможет и дальше беззаботно жить под одной крышей с Лу Куаньдуном, сохраняя прежнюю дистанцию.

Это станет доказательством, что их привычный уклад сработал. Что Куаньдун не поддался чувствам, не вспылал к нему привязчивой нежностью или — того хуже — жалостью.

Эту заброшенную аллею Юй Тяо отыскал случайно. Мрачное, зловещее местечко.

Шорох опавшей листвы под ногами эхом отдавался в ушах, до боли напоминая глумливый смех старшеклассников, когда-то проходивших мимо.

Но сегодня... трава вдоль тропинки сплошь искрилась крошечными огнями. Светодиодные гирлянды мягкой змейкой вились вдоль дороги, уходя всё ниже и ниже, пока не растворились в ночной дали.

Юй Тяо застыл на пригорке, словно перед ним разгоралось степное пламя. Этот свет резал глаза, сбивал с толку, лишал дара речи.

Сколько раз он твердил Лу Куаньдуну, что панически боится темноты! Но тот лишь пропускал слова мимо ушей. Он мог запросто выключить свет и запереть его в ванной — только за то, что Юй Тяо свёл родинку на теле.

Или в постели, когда у Куаньдуна наступал период восприимчивости: он завязывал ему глаза плотной тканью. Юй Тяо умолял снять повязку — тьма лишала его всякой опоры, — но альфа

оставался глух к мольбам, теща свои низменные желания и снова и снова въедаась зубами в его затылочную железу.

И даже когда у Хань Ло случился приступ... ничего не изменилось.

Все эти шрамы выстроили в его душе неприступную крепость. Юй Тяо казалось, что её фундамент монолитен, но пара гирлянд мгновенно превратила неприступные стены в труху.

Спустившись по освещённой аллее, он столкнулся со студентом, только что вернувшимся из ночного обжорочного ряда.

Парень спросил дорогу к жилому комплексу неподалёку от виллы, и Юй Тяо кивнул.

— О, так нам по пути! Можно с вами? — искренне улыбнулся юноша.

Окружающие звуки потонули в гулком неведении, Юй Тяо зашагал дальше, погружившись в свои мысли.

Впервые в жизни он почувствовал себя абсолютно бессильным перед Лу Куаньдуном.

И дело не в том, что он не знал, как угодить альфе. Вспышки гнева Куаньдуна служили для Юй Тяо своеобразным спасением.

Они пугали, но одновременно приносили облегчение: давали право и дальше считать Лу Куаньдуна лишь блёклой тенью настоящего человека.

В конце концов, и сам Куаньдун преследовал корыстные цели.

Но если Лу Куаньдун начнёт испытывать к нему настоящие чувства... что делать тогда? Юй Тяо был твёрдо убеждён: его сердце мёртво, он больше никогда и никого не полюбит.

— Спасибо вам огромное, теперь я узнал дорогу! Хорошего вечера! — Студент махнул рукой и поспешно удалился.

«Попросить у него денег — неплохой вариант», — попрощавшись с попутчиком, снова принялся взвешивать за и против Юй Тяо.

Они изначально заключили брак по расчёту, и оба прекрасно об этом знали.

Однако при мысли о том, что придётся окончательно убедить Куаньдуна в меркантильности их союза и напомнить, что в этом браке нет ни капли чувств, в душе закипало странное...

противоречие.

Юй Тяо списал это на синдром отмены.

Даже к тени можно привязаться так, что потом ломает.

Вблизи взвизгнули шины: дорогой автомобиль заложил крутой вираж и юркнул в распахивающиеся ворота усадьбы.

Лу Куаньдун вышел первым, стремительно обогнул капот и распахнул пассажирскую дверь.

Юй Тяо опешил и поспешно отступил в тень, затаившись там, где его не могли заметить.

Прислугу, видно, предупредили заранее: из дверей виллы уже выбегал слуга с инвалидным креслом.

Нагнувшись, Куаньдун бережно подхватил на руки худенькую фигуру и аккуратно опустил её в кресло. Это был Хань Ло.

Затем альфа наклонился к самому уху юноши и что-то тихо шепнул.

Сердце Юй Тяо заколотилось о рёбра с оглушительной силой.

Он замер как вкопанный, не сводя взгляда с этой сцены, пока глаза не зажгло от невыплаканных слёз.

Сколько они пробыли в доме — столько Юй Тяо и просидел на холодных каменных ступенях снаружи.

У подъездной дорожки зажглись новые фонари, сплетаясь в мягкий золотистый занавес. Вот только Юй Тяо оказался по ту сторону этого света.

Вглядываясь в дрожащие тени листьев на асфальте, Юй Тяо мысленно усмехнулся: «Какая глупая наивность...»

Все недавние терзания и соображения развеялись без остатка. В груди образовалась звенящая пустота, которую тут же захлестнула горечь — настолько въедливая и сложная, словно в ней собрались все несчастья мира.

Сегодня он забыл наклеить блокирующий пластырь. Пальцы коснулись оголённой затылочной железы — вспыхнула резкая боль, но Юй Тяо не мог заставить себя отнять руку.

Перед ним выросла тёмная фигура. Промёрзший насквозь от ледяного ветра, Юй Тяо растерянно поднял глаза. Лу Куаньдун стоял над ним, сжимая в пальцах дымящуюся сигарету.

— Сидеть на морозе — это такое новое развлечение? — выдохнул альфа вместе с клубом сизого дыма, растворившим черты его лица.

— А? — При виде Лу Куаньдуна Юй Тяо мгновенно напустил на себя привычный глуповато-заторможенный вид: — Я... я...

Ему хотелось спросить: «Почему ты вдруг стал так добр со мной? Почему слуги смотрят на меня иначе?» Но слова застряли в горле.

— Зачем ты всё время терзаешь свою железу? — Лу Куаньдун нахмурился и нагнулся к нему — точно так же, как совсем недавно склонялся к Хань Ло, — после чего властно, не терпя возражений, отвёл руку юноши от затылка.

До Юй Тяо донёсся густой табачный перегар, который тут же развеялся на ветру.

В памяти Куаньдуна всплыли слова доктора Хэ: «Состояние затылочной железы напрямую зависит от эмоционального фона».

— Что случилось? — внезапно спросил альфа.

— Что?.. — хлопая глазами, переспросил Юй Тяо.

Куаньдун не смыкал глаз двое суток из-за дел, да ещё приходилось выполнять капризы Хань Ло. Мозги соображали с трудом. Покопавшись в докладах дворецкого, он нащупал единственное логичное объяснение:

— Нужны деньги?

Юй Тяо вздрогнул, его зрачки сузились.

— Прислуга проговорилась, что ты распродал подарки. — Заметив, что юноша снова нервно потянулся к затылку, Куаньдун отбросил лишние расспросы, решив закрыть вопрос раз и навсегда: — Сколько?

Пепел с сигареты упал на поджатую ногу, блеснув на мгновение алой искрой, и угас. Точь-в-

точь как редкая капля летнего дождя, исчезающая на раскалённом асфальте.

Юй Тяо опустил голову и едва заметно качнул ею.

— Не деньги... — Убедившись, что парень больше не терзает шею, Куаньдун сбавил тон: — Тогда чего ты хочешь?

Пауза затянулась. Юй Тяо успел состряпать про себя отговорку: дескать, прикидывает сумму и гадает, отчего при заключении брака Лу Куаньдун дотошно выяснял каждую мелочь, а теперь разбазаривает средства без лишних вопросов.

Однако вслух пролепетал лишь еле слышное:

—... Мне ничего не нужно.

<http://bllate.org/book/20424/2140114>